

УДК 39(470.344)

О.В. ЕГОРОВА, П.В. ДЕНИСОВ, К.Н. САНУКОВ, Г.И. ФЕДОРОВ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЧУВАШЕЙ И ТАТАР**Ключевые слова:** *религия, верования, обряд, традиции.*

В данной статье ставится цель проследить на основе анализа межэтнических контактов чувашей и татар влияние религий на родильную обрядность чувашей. Взаимопроникновение традиционных культурных норм, действий и обрядов одинаково активно происходило как у чувашей и татар, проповедовавших ислам, так и чувашей и крещеных татар. Сегодня продолжается активное межэтническое взаимодействие чувашей и татар, однако оно протекает в условиях постепенной утраты традиционных обрядовых действий.

**O.V. EGOROVA, P.V. DENISOV, K.N. SANUKOV, G.I. FEDOROV
INTERETHNIC RELATIONS BETWEEN THE CHUVASH AND TATARS****Key words:** *religion, belief, a ceremony, tradition.*

In the paper the authors analyzes interethnic contacts of Chuvash people and Tatars in order to investigate the influence of religions on Chuvash maternity rites. Interpenetration of traditional cultural norms, activities and ceremonies occurred equally actively among Chuvash people and Tatars preaching Islam and among christened Chuvash people and Tatars. Nowadays active interethnic cooperation between Chuvash people and Tatars is being continued, however, traditional rituals are being gradually lost.

Тема межконфессиональных и межэтнических отношений, взаимоотношений народов с различными культурами и религиями является весьма актуальной для современной многонациональной России. Для Чувашской Республики, и особенно чувашских диаспор, данные вопросы также важны, так как в последние десятилетия заметно обострился вопрос сохранения самобытности чувашей, продолжения национальных традиций и укрепления этнических связей. Многие чувашские поселения регионов России, несмотря на то, что находились в сложной системе межэтнических отношений, смогли сохранить за сотни лет традиционные обряды и обычаи в большей степени, чем селения, расположенные на территории современной Чувашии. Именно на их примере сегодня хорошо прослеживаются особенности контактов между различными народностями, в которых наиболее выделяются религиозно-культурные связи чувашей и татар. В данной статье ставится цель проследить на основе анализа межэтнических контактов чувашей и татар влияние религий на родильную обрядность чувашей.

Взаимопроникновение традиционных культурных норм, действий и обрядов одинаково активно происходило как у чувашей и татар, проповедовавших ислам, так и у чувашей и крещеных татар. Понятие «душа» у чувашей неразрывно связано с явлениями рождения и смерти человека. По верованиям, душа жила в теле человека в самой середине его, но где именно, не знали. Приписывали ей даже цвет, по которому различали души людей и разных животных. Душа имела тот же самый образ, какой имело тело, в котором она жила. По выходу из тела она купалась. Потом поступала в руки ангелов и переходила в загробный мир по определению Божьего суда. Душа слышала и видела все, что о ней говорили и делали вокруг тела, пока последнее находилось дома [11. С. 75]. По утверждению этнографа П.В. Денисова, как у многих тюркоязычных народов Саяно-Алтая, у чувашей понятию нематериальной души «чун» противопоставлялось материальное воплощение «хăт» или «кăт» (древнетюркское *qut* – душа, жизненная сила, дух; счастье, благополучие, достоинство, величие). Однако первоначальное значение «хăт», связанное с понятием «дух, душа, эмбрион», было утрачено, ныне этот термин означает «красота, счастье и достоинство» [7. С. 74-75]. По верованиям алтайцев, *кут* как зародыш приходил извне, давался человеку от небожителя Ульгена – творца человеческого кута, который дарил ребенку метку – *мэнг* (родимое пятно) [21. С. 11]. У тувинцев *уруе куду* (кут ребенка) – «душа»-зародыш, жиз-

ненная сила ребенка периода младенчества. Существовали также многочисленные символы, ее представляющие [23. С. 97].

Во время беременности чуваша проводили обряд жертвоприношения духу *пярей*. Аналогичный дух есть у башкир (*лэрей*) [3. С. 99] и вотяков (*ибыр*) в виде коромысла [4. С. 87]. Крещеные татары под именем «*пярей*» подразумевали род духов, которые желали людям только зла и постоянно старались вводить людей в заблуждение. Само название этих духов указывает на их персидское происхождение (от перс. *пярей* – крылатый дух). О духах *пярей* крещеные татары рассказывали, что они всегда являлись в очень некрасивом человеческом образе. Очень черное лицо их кажется особенно неприятным от того, что вместо двух глаз у *пярей* посредине лба светился только один глаз; зубы у них бывали постоянно оскалены, волосы взерошены и торчали вверх. По верованию крещеных татар, такие злобные существа жили в банях и домах [14. С. 22]. По поверью чувашей, они могли похитить ребенка у беременной женщины. Поэтому женщины, укладывавшаяся спать, клали под подушку нож (или любой другой железный предмет). Если женщина находилась дома одна, то рядом клала мужскую шапку, чтобы *пярей* не подумал, что у неё нет мужа. Новорожденного не оставляли одного в избе, иначе его может похитить *пярей*, а на его место принести своего уродца.

Учитель казанской крещенотатарской школы Семен Максимов вспоминал мальчика, которого в деревне называли детенышем-*пярей*. Он еще «с малых лет часто один сживал в землянке. На вид был очень некрасивый. Лицо черное, голова продолговатая, глаза черные и большие, шея длинная и тонкая. Ходил босиком с пеной на губах». В объяснение такого страшного вида этого мальчика крещеные говорили, что этот мальчик был дитя *пярей*, подложенный своим родителями-духами на место новорожденного дитяти крещенина, оставленного после рождения в бане без всякого присмотра [14. С. 24-25].

У чувашей и татар роды принимали бабки-повитухи. За свой труд они получали хлеб, платок, мыло. Я.Д. Коблов отмечал, что татарки-повитухи получали и денежное вознаграждение от 20 коп. до 1 руб. [10. С. 5]. В качестве денежного вознаграждения у чувашских повитух были деньги, которые давали во время проведения обряда приготовления каши (супа, сыра), проводимого в честь рождения ребенка. Чуваша окрестностей села Больших Яльчик Тетюшского уезда опытными повитухами считали татарок и часто обращались за их помощью [31. Л. 444]. Сразу же после родов чуваша смазывали рот ребенка сливочным маслом домашнего приготовления [27. С. 157] или медом, чтобы он не вырос сквернословом [25. С. 80]. В источниках начала XX в. упоминается, что одновременно давали мед с маслом. Татары проводили аналогичный обряд с пожеланием благополучия, удачи в жизни, чтобы ребенок вырос добрым и ласковым [24. С. 356].

По магометанскому закону после рождения следовало давать имя новорожденному, но обычно это дело откладывалось до времени выздоровления родильницы [10. С. 5]. Чуваша, живущие в окружении татар, нарекали детей их именами и приглашали для этого муллу. Чуваша имя ребенку давали в течение 2-3 дней, в крайнем случае – в течение 40 дней. Такая спешка была связана и с верой в то, что ребенок без имени будто бы очень беспокоен и плаксив. Существовало ещё поверье, что безымянному ребенку могут дать имя черти, а злые духи могут его поменять и забрать душу младенца (есть легенды, что вместо человеческого дитя в колыбели оказывался чурбан в виде ребенка и т.п.). Крещеные татары и чуваша крестили слаборожденных детей в день их рождения. В зависимости от дальнейшего состояния младенца могли к первому имени прибавить второе имя.

В с. Новое Ильмово Черемшанского района РТ в семьях, где дети умирали, новорожденным давали татарское имя – *Туктар* (остановится) [16. С. 237]. Вотяки также называли мужчин татарским именем *Туктар*. Это имя ими давалось большей частью тогда, когда дети умирали или родильнице не хотелось

иметь детей [4. С. 68-79]. Среди имен-оберегов у тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья встречаются имена, связанные с металлом. Например – Тимеркке (у чувашей), Тимергали, Тимервали, Тимеркай (у башкир и татар). Металл был оберегом. Чуваши с. Кожай-Семеновка Миякинского района Республики Башкортостан детей называли татарскими именами *Таштимер*, где «таш» означает «камень, каменный» в значении «крепкий», *Тимер* – «железо», «железный» [16. С. 234, 236].

Н.В. Никольский отмечал, что в документах XVI в. г. Новоструева насчитали 37 чувашских имен с татарским звучанием. Совершенно по-татарски звучали следующие имена: Худябей, Урманчеев, Такбулат Кудеяров, Кайперда Кайбичев, Айтуган Утешев [19. С. 140].

Влияние татар замечено при исследовании с. Казанлы Саратовской области. Т. Акимова отмечала, что встречались имена, образованные от татарских слов: «Бикмурза», «Мурзабайка», «Ашмурза» и т.д. [1. С. 26]. Ко времени III ревизии можно было наблюдать русское влияние. Среди старых чувашских имен встречается до 33% русских (в то время как в других деревнях среди языческих имен русских встречается 10-12%). Например Федька Абсанаев по крещении Федор Иванов или Савандей Иванов, Яшлюнь Данилов и т.д. [1. С. 26].

Если на лице ребенка у чувашей появлялось красное пятно, то детям давали имена, начинающиеся с «мин» или «мини» (пятно). Например, девочек называли – Минкке, Минккей, Миниккей, Минеслу и др., мальчиков называли – Минтукка, Минхевер, Минюхха, Минтукан, Минетер и др. Чуваши считали, что это приводит к излечению [33. Л. 473]. Жители д. Кошки-Куликеево Яльчикского района ЧР, называя ребенка подобным именем, кричали в печную трубу «Минке». Аналогичный обряд совершали и татары. Произносили заклинание, в печную трубу бросали ложку, а ребенку меняли имя [24. С. 359]. Башкиры Зилаирского и Хайбуллинского районов кричали в печную трубу имя с добавлением «мин». Это повторялось несколько раз. Подобный обряд с той же целью исполнял и мулла, но он не просто выкрикивал имя, а после прочтения молитв нарекал ребенка новым именем. По представлению башкир, родинка могла быть уязвимой для ребенка [3. С. 107].

Чуваши, проживающие в контактных зонах с татарами, часто в качестве крестных выбирали крещеных татар [5. Л. 124об.]. Такие примеры можем встретить среди жителей округа с. Большая Таяба Тетюшского уезда [29. С. 194], с. Старые Шигали, с. Ковали Цивильского уезда. Особенно часто подобные случаи встречались в середине XIX в. в Цивильском уезде, когда крещеные татары из д. Сунчелеевой, Бакарчей (ныне Звениговского района Татарстана) восприимчиков выбирали из чувашских деревень Житницы, Козыльяр, Тегешево Цивильского уезда и наоборот [6]. К началу XX в. таких примеров становится меньше. Браки среди татар-мусульман и чувашей были очень редким данных периодом явлением.

В ряде деревень Аксубаевского района Республики Татарстан чуваши проводили символическое обрезание волос на голове ребенка с трех мест по одной линии, чтобы зло не доходило до ребенка [9. С. 71]. Подобный обряд встречался среди татар, проживавших в аулах Пензенской области: через неделю после рождения с головы младенца состригали, пропустив через золотое кольцо, пучок волос [24. С. 358].

С колыбелью было связано множество примет и поверий. Н. Плосс отмечал, что татарами колыбель не используется. Днем ребенок находился в висячей койке (*науни*), а ночью – в постели матери [20. С. 78]. На самом деле зыбка была повсеместно распространена у народов Среднего Поволжья. Довольно стойко бытовала вера в то, что первые 40 дней жизни младенца особенно опасны. Оставляя ребенка одного, татары клали ему в люльку железные предметы, старый веник или веточку можжевельника. Ветку можжевель-

ника чуваша использовали для изготовления дужки у зыбки [28. Л. 619]. Чуваша с. Бикмурзино Пензенской области, с. Старое Ильмово, с. Городище Дрожжановского района Республики Татарстан под зыбку клали березовый веник, чтобы не приставал злой дух. Народы Среднего Поволжья повсеместно клали железный предмет к изголовью ребенка.

Чуваша и татары тщательно берегли ребенка от сглаза. Казанские татары, чувствуя, что ребенка сглазили, сразу после ухода человека мыли скобу двери или то место, где сидел этот человек. Затем этой водой мыли ребенка. Кроме того, применяли «предохранительные меры»: веточку рябины привязывали к зыбке, ракушку каури пришивали к шапочке, лобик мазали сажей [28. Л. 619; 24. С. 358]. Практически каждый мог проделать несложную церемонию по предупреждению или лечению от сглаза. На это не требовалось каких-либо особых способностей.

Некоторая часть чувашей не только соприкасалась с исламом, но и подвергалась исламизации и этнической ассимиляции. *Су чăваш* – так называли чувашей, которые жили наполовину по-христиански, наполовину по-мусульмански (в Избахтине). Чуваша д. Избахтино, писал миссионер Реев, привозили детей к муллам для отчитывания «*угытма*» или «*шикерне*». Ими переняты обычаи угощения татар. Татары устраивают званые обеды «ашка». К таким обедам готовили особые кушанья, называемые «пелешь», «корт». Избахтинские татары и чуваша часто ходили друг к другу в гости [13. С. 1075].

В национально-смешанных семьях возникал вопрос о языке ребенка. Если мать или отец были русскими и не понимали чувашского языка, то дети, соответственно, говорили на русском языке. В семьях, где отец татарин, а мать чувашка, говорили на татарском языке. В результате близкого общения с татарами соседних селений, по словам Н.М. Охотникова, не только взрослые, но и дети из его родного селения свободно владели татарским языком, охотно пели татарские народные песни, устраивали совместные праздничные гуляния и игры [8. С. 19]. В с. Ковали Урмарского района Чувашской Республики во время проведения ярмарки приходили татары, которые дружно пели свои национальные песни. Чувашские и татарские дети вместе играли, купив свистульки, насвистывали по улицам. В с. Можарки Цивильского уезда на базар и ярмарку съезжались также русские и татарские купцы из разных мест [27. Л. 342-343].

Чуваша из селений Ново-Ковалинской и Кошелевской волостей, соседних с татарскими, умели говорить по-татарски, но чувашский язык считали своим природным и между собой объяснялись исключительно на нем. В свою очередь, татары этого района знали чувашский язык, иногда даже лучше, чем чуваша татарский. В силу этого татары при разговорах с чувашами придерживались языка последних [17. Л. 5]. Тетюшский уездный исправник, рапортуя в Казанское уездное правление, отмечал, что в результате частого общения чуваша прекрасно знают татарский и татары владеют чувашским языком [17. Л. 80б]. Петр Томлеев из д. Старых Курбаш Цивильского уезда, вспоминая свое детство, отмечал, что кряшены мало отличались от русских. Григорий Федоров из д. Верхних Метеряк Лаишевского кантона Казанской губернии хорошо помнил, как его отец по вечерам читал русские книги, переводя на кряшенский язык [32. Л. 95].

Чуваша-портные, приходившие в татарские селения, старались заслужить симпатию со стороны заказчиков – надевали тубетейки. Родители заставляли детей учить татарский язык [18. С. 69]. Некоторые чуваша покупали специальные талисманы из кожи четырехугольной формы (*пăтӳ*) у татар-разносчиков. Внутри него находилось изречение из Корана [31. Л. 460].

Гурий Комиссаров в работе «Чуваша Казанского Заволжья» записал, как капризничающих и плачущих детей родители пугали прежде всего татарами, а потом русскими. Такое отношение сложилось постепенно и объяснялось тем, что «татары, приезжая к ним, не церемонились с ними: обманывали, обдували их, почти без при-

глашения садились за стол обедать, ели часто не снимая шапки, и т.п. В свое время масса татар-лентяев (главным образом из Симбирской губернии, под видом нищих, являлась в страну чуваш и совершала над чувашами всевозможные насилия: грабили дома, амбары, уводили лошадей и другую скотину... Эти дела татар оставили тяжелые следы в среде чуваш-вирьялок, а потом здешние чуваш симпатии к татарам не питают, хотя и не обижают их никогда» [12. С. 415-416].

Умение видеть, различать чужих, незнакомых людей необходимое условие освоения ребенком социального пространства. Однако конкретное его выражение зависит не только от индивидуального склада ребенка, но и от типа культуры, в условиях которого он воспитывается. А.К. Байбурин обращает внимание на то, что «чужое» начинается там, где кончается «свое», и эта граница путешествует вместе с человеком. Опасная зона начинается сразу за порогом дома. На улице многократно увеличивалась опасность встречи с чужими людьми, представляющими угрозу жизни ребенка. В их числе могли быть представители потустороннего мира или представители иных этнических и социальных групп [26. С. 172].

Александр Можаровский отмечал, что прозвища произошли или естественно от дурного впечатления, произведенного известным явлением на известное лицо, или же просто по грубости, из одного побуждения всячески осмеять другого. По ним в некоторой степени можно судить как о детском взгляде на физические и нравственные недостатки других и об отношении к другим народам [15. С. 20].

Про татар пели:

*Татар Якши,
Продай лапши,
Купи вина,
Напой меня!
Татарин – собака,
Татарин – басурман,
Посадил девку в карман:
Девка плачет и ревет,
Свои волосы дерет.*

Одна из самых больших проблем в дореволюционной России – высокая детская смертность. По данным за 1896 г. о смертности детей в России, в Свияжском уезде на 1000 христиан умирало 44%, у татар 33%; в Тетюшском – христиан 39,3%, татар 29,1%, в Цивильском – христиан – 39,8%, татар 23,9%. Даже в неурожайный 1891 г. в Казанском уезде христиан умерло 40%, татар же – 22,8% [22. С. 46]. Объясняли такую разницу тем, что татарские грудные дети находились в значительно лучших условиях питания, благодаря чему и выживали в 3 раза чаще, чем православные грудные дети. Кормили грудных детей татарки, в силу правил Корана, исключительно грудью. Причем татарки всюду возили ребенка с собой и до 1-2 лет не отнимали его от груди, начиная прикармливание со второго года коровьим, козьим молоком и т.д. [22. С. 47, 49].

Все амулеты, обереги, магические приемы, различные методы лечения преследовали одну главную цель – сохранить жизнь ребенка. В связи с этим традиционный народный опыт в области охраны здоровья детей и лечения детских болезней отражает сложный комплекс религиозных представлений чувашей и татар, особенности его мировоззрения. Анализ фактов и материалов показывает, что часто в сложных жизненных ситуациях (высокая детская смертность и заболеваемость) чуваша были вынуждены обращаться за помощью к повитухам-татаркам. Чужое, малознакомое казалось более эффективным, сакральным, неизвестным окружающим, что, по представлению чувашей, было немаловажно для сохранения жизни ребенка. Возможность решения проблем на стороне позволяло надеяться на неразглашение определенного рода информации, которая в противном случае могла неблагоприятно повлиять на жизнь женщины и ее ребенка.

Трансформация родильной обрядности чувашей происходила в условиях проникновения отдельных элементов, а часто – даже целых обрядовых комплексов в повседневность чувашей. Особенно активно происходило смешение обрядовых действий и закрепление в чувашской культуре народных традиций крещеных татар. Многие обычаи легче проникали в культуру через религиозные христианские обряды. Тесные межэтнические связи чувашей и татар накладывали значительный отпечаток на особенности традиционной обрядовой культуры чувашей. Сегодня продолжается активное межэтническое взаимодействие чувашей и татар, однако оно протекает в условиях постепенной утраты традиционных обрядовых действий.

Литература и источники

1. *Акимова Т.* Чуваша с. Казанлы Вольского уезда Саратовской губернии // Труды Нижно-Волжского Областного научного общества краеведения. Этнографический сборник. Саратов, 1926.
2. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. II.
3. *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка // Семейный быт башкир XIX-XX вв. М.: Наука, 1991. С. 86-117.
4. *Гаврилов Б.Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урьясь-Учинского прихода // Труды IV Археологического съезда России. Казань, 1891.
5. Государственный исторический архив ЧР (далее ГИА ЧР). Ф. 408. Оп. 1. Д. 1. Л. 124об.
6. ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 7. Ед.хр. 294.
7. *Денисов П.В.* Древнетюркские черты в религиозных верованиях чувашей // Чувашия глазами этнографа: поиски и находки: статьи, очерки, рецензии. Чебоксары: Новое время, 2008. С. 55-81.
8. *Денисов П.В.* Никифор Охотников. Очерк жизни и творческой деятельности. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986.
9. *Егорова О.В.* Обычаи и обряды, связанные с родами, уходом за новорожденными и лечением детских болезней в среде закамских чувашей (По материалам полевых исследований) // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 62-74.
10. *Коблов Я.Д.* Религиозные обряды и обычаи татар магометан. Казань, 1908.
11. *Комиссаров Г.И.* О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003.
12. *Комиссаров Г.И.* Чуваша Казанского Заволжья // ИОАИЭ. 1911. Т. 27. Вып. 5.
13. *Кремлев А.* Отчет Казанского епархиального инородческого миссионера за 1912 год // Известия по Казанской епархии. № 36. 1913. С. 1067-1078.
14. *Максимов С.* Остатки язычества в современных верованиях крещеных татар Казанской губернии. Казань, 1876.
15. *Можаровский А.* Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Потехи, забавы, остроты, прозвища, стишки и песни. Казань, 1882.
16. Мусульманские имена. Словарь-справочник. СПб.: Диля, 2006.
17. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 2. Оп. 2. Д. 8335.
18. *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // Никольский Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 33-106.
19. *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI-XVIII века // Никольский Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 126-356.
20. *Плосс Н.* Ребенок от колыбели до первого шага. СПб., 1881.
21. *Скрынникова Т.Д., Батоева Д.Б.* Обряд испрашивания сулдэ ребенка // Обряды в традиционной культуре бурят. М.: Вост. лит., 2002.
22. *Соколов Д.А., Гребенщиков В.И.* Смертность в России и борьба с нею. СПб., 1901.
23. *Соломатина С.Н.* К реконструкции пространственно-временной структуры традиционного мировосприятия тувинцев // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990.
24. Татары. М.: Наука, 2001.
25. *Фокин П.П.* Современная семейная обрядность чувашей // Вопросы традиционной духовной культуры чувашей: сб. ст. / Науч.-исслед. ин-т яз., лит-ры, ист. и экон. при СМ Чуваш. АССР; ред. Б.Н. Путилов, А.К. Салмин. Чебоксары, 1989. С. 75-99.
26. *Чередникова М.П.* Русская детская мифология. М.: Лабиринт, 2002.
27. Чувашский государственный институт гуманитарных наук (далее ЧГИГН). Отд. I. Ед.хр. 150. Инв. № 4570. Л. 342-343.
28. ЧГИГН. Отд. I. Т. 168.
29. ЧГИГН. Отд. I. Т. 159. Инв. № 4716.

30. ЧГИГН. Отд. I. Т. 258.
 31. ЧГИГН. Отд. I. Т. 285. Инв. № 6059.
 32. ЧГИГН. Отд. I. Т. 320. Инв. № 6233.
 33. ЧГИГН. Отд. III. Ед.хр. 187.

ЕГОРОВА ОКСАНА ВЕНИАМИНОВНА – доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (eoks71@rambler.ru).

EGOROVA OKSANA VENIAMINOVNA – doctor of historical sciences, associate professor of Archeology, Ethnography and Regional History Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ДЕНИСОВ ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

DENISOV PETR VLADIMIROVICH – doctor of historical sciences, professor of Archeology, Ethnography and Regional History Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

САНУКОВ КСЕНОФОНТ НИКАНОРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола.

SANUKOV KSENOFONTE NIKANOROVICH – doctor of historical sciences, professor of Regional History Chair, Mary State University, Russia, Yoshkar-Ola.

ФЕДОРОВ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

FEDOROV GEORGIY IOSIFOVICH – doctor of philological sciences, professor of Culturalology and Intercultural Communication Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 908(470.343)"190-191"

А.Г. ИВАНОВ, Г.Н. АЙПЛАТОВ, А.А. ФИЛОНОВ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ В ОПЕКУНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ МАРИИНСКОГО ЛЕСОПИЛЬНОГО ЗАВОДА КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОГО КУПЦА А.И. ШИШОКИНА В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА

Ключевые слова: Мариинский лесопильный завод, опекунское управление, лесная промышленность, Мариинско-Посадское лесничество, опись и оценка имущества, торги.

Предпринята попытка проследить судьбу Мариинского лесопильного завода после разорения его владельца – козьмодемьянского купца второй гильдии А.И. Шишокина в начале ХХ в.

**A.G. IVANOV, G.N. AYPLATOV, A.A. FILONOV
TO THE QUESTION ON TRANSFER OF KOZMODEMYANSK MERCHANT A.I. SHISHOKIN'S
MARIINSKY SAWING FACTORY TO TUTORIAL MANAGEMENT
IN THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY**

Key words: Mariinsky sawing factory, tutorial management, the timber industry, Mariinsky-Posad forest area, the property inventory and estimation, the auction.

The article deals with the attempt to track the destiny of Mariinsky sawing factory after the bankruptcy of its owner – Kozmodemyansky merchant of the second guild A.I. Shishokin in the beginning of the XXth century.

Как известно, одну из операций лесопромышленности составляет лесопильное производство, быстрому развитию которого способствовал постоянно растущий спрос на пиломатериалы. Козьмодемьянский купец второй гильдии А.И. Шишокин в 90-е гг. XIX в. являлся одним из наиболее крупных лесопромышленников на территории Марийского края. Торговый дом Шишокина имел широкие деловые связи с банками, конторами, страховыми обществами и торговыми домами в Казани, Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и других городах. К 1896 г. А.И. Шишокину принадлежало 3 паровых лесопильных завода: Лопатинский, Кушергский и Мариинский (Сокольно-Кокшагский), на ко-